

Павел Успенский (Москва)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЗЫВ О ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

В историко-литературных трудах Бенедикт Лившиц связывается с русским кубофутуризмом, как правило, с оговорками, несмотря на то, что его роль в этом течении весьма ощутима. Он был теоретиком «Гилеи» (статья «Освобождение слова»; 1913), автором футуристических стихов (сборник «Волчье солнце»; 1914), позже написал «Полутораглазого стрельца» (1933) – воспоминания, без ссылки на которые не обходится практически ни одно исследование о русском авангарде. Блестящий комментарий А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна показал, в частности, органическую связь Лившица с эпохой первой половины 1910-х годов, но, похоже, даже такая работа не смогла изменить инерцию восприятия поэта.

Вообще вычеркивание Лившица из русского футуризма отчасти связано с публикацией «Полутораглазого стрельца» в 1933 году. Книга вызвала обиду старинного приятеля К. Чуковского¹, возмущение М. Матюшина², а также оказала влияние на Н. Харджиева, который (вслед за Матюшиным) в своих работах назвал поэта «случайным попутчиком кубофутуристов»³.

Критической точки зрения, как кажется, придерживался и другой авторитетный знаток эпохи, В. Шкловский. В интервью с В. Дувакиным в 1967 году он говорил: «А Лившиц <...> Он человек был способный, но боковой»⁴ (здесь, в частности, имеются в виду и времена футуризма). Можно предположить, что точка зрения Шкловского пристрастна и объясняется несколько дискредитирующим описанием

в мемуарах доклада «Место футуризма в истории языка». Но и более расположенные к Лившицу современники склонны были игнорировать его футуристическое прошлое.

Так, общавшийся с поэтом Б.В. Горнунг в поздней теоретической статье, посвященной преодолению символизма, писал: «<Необходимо. – П.У.> найти черты поэтики, общие ряду поэтов. Из которых одни начали свой путь в “круге” символизма и потом выступили против него (Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Лившиц), другие начали прямо с атак на господствующее направление: члены групп “Гилея” (кроме Б. Лившица) и “Центрифуга”»⁵. Хотя это высказывание, в общем, верно (действительно, раннее творчество Лившица находится под влиянием символизма и не связано с «атакой» на господствующее направление), поэт незаметно для читателя вписывается в круг акмеистов.

Вяч.Вс. Иванов, автор рецензии на вышедший в 1989 году том произведений поэта, придерживался такого мнения: «У зрелого Бенедикта Лившица больше переключек с акмеистами (прежде всего, с Мандельштамом), чем с футуристами, к которым он декларативно примыкал в молодости»⁶. Нельзя сказать, что рецензент не прав, – зрелое творчество поэта во многом связано с поэтикой акмеизма, однако утверждение, высказанное в таком виде, перечеркивает достижения Лившица в футуристическую эпоху, делает их случайными.

Впрочем, поэзия Лившица 1911–1914 годов и синхронно часто не воспринималась как авангардная. Так, В. Шершеневич считал, что стихи Лившица «не плохи, но к футуризму не имеют отношения»⁷. Вспомним и слова К. Чуковского из статьи «Эго-футуристы и кубофутуристы»: «Напрасно насиует себя эстет и тайный парнасец г. Бенедикт Лившиц, совершенно случайно примкнувший к этой группе. Шел бы к г. Гумилеву! На что ему, трудолюбцу, “принцип разрушенной конструкции”! Опынение отличная вещь, но трезвый, притворившийся пьяным, оскорбляет и Аполлона и Бахуса! Как истоны его дерзобезумия!...»⁸.

Подобный взгляд может быть скорректирован приведенной ниже статьей о стихах Лившица.

Найденный текст являет собой предельно неразборчивую рукопись на двух листах. Вероятно, правомерно назвать ее черновиком.

Текст трудночитаем, по-видимому, он писался наскоро. Изучение почерка ни к чему не привело: он не похож на почерк Лившица, хотя стихотворные цитаты (за исключением некоторых строк) были написаны скорее рукой поэта⁹.

Статья была обнаружена в архиве Вс. Н. Петрова (РО ИРЛИ), искусствоведа, близкого друга Е.К. Лившиц. Вс. Петров был немного знаком и с самим Лившицем. Ничтожный остаток бумаг поэта попал к нему следующим образом: вскоре после ареста Лившица была арестована его жена и осуждена на 5 лет лагерей. В лагере Е.К. Лившиц переписывалась с Вс. Петровым, и они договорились, что искусствовед зайдет в ее квартиру, чтобы забрать некоторые вещи. По-видимому, ему удалось также взять те бумаги, которые не были конфискованы при аресте. Эти обстоятельства, однако, не приближают нас к ответу на вопрос, кто же был автором статьи, хотя позволяют предполагать, что она находилась в архиве поэта.

Статья может быть датирована 1914 годом (более точно: февралем – самым началом марта), поскольку в тексте обсуждаются футуристические стихи поэта, в частности, из сборника «Рыкающий Парнас» (вышел в феврале 1914 года; был конфискован; М. Матюшину удалось распространить 200 экз.). В тексте, однако, ни разу не упоминается «Волчье солнце» (книга была издана в феврале 1914 года в Херсоне и в марте того же года в Москве), где все разбираемые стихи были напечатаны. Очевидно, что автору было бы проще отсылать читателя именно к книге, а не к футуристическим сборникам.

Кто является автором статьи и была ли она опубликована – нам неизвестно. Возможно, это кто-то из близких друзей Лившица, нельзя также исключать, что автором является сам поэт, хотя это маловероятно. Для нас же принципиально важен тот факт, что исторический читатель мог оценивать произведения поэта диаметрально противоположным образом, нежели Чуковский. Это является еще одним доказательством, что поэзия Лившица все-таки принадлежит кубофутуризму.

Среди нас поэтов, модных и скороспелых<, > чересчур современных в погоне за кличками и газетной славой<, > вы узнаете его по тонкой улыбке и слегка презрительным глазам. Это <–> Бенедикт Лившиц. Пройдя залы эстетизма, покинув Парнас<, > он спокойно проходит в лунные иней степи вплоть до рассвета неустанный и сокровенный. Все творчество Лившица я охарактеризовал бы как [творчество] метаморфоз. При этом я вспоминаю былинку о Вольге¹⁰. Настигнув идею<, > он с мудростью первого превращается сам<, > чтобы овладеть ею<, – > и Протей Готье пленен¹¹.

В самом деле<, > в его лице мы пришли к одному рубежу. Раньше метафора не покрывала всего содержания стихотворения>, теперь же она приобрела решительно свой смысл. Его вещи запевают двойной нотой<, > и не знаешь<, > где конец фигуры и где начало живому чувству. Это поэзия в квадратной степени.

Послушаем его «Степь»¹² – это первая степень<, > и одного лишь этого члена достаточно<, > чтобы понять глубину превращения и его цельность.

Раскруживайся в асфодели,
В рябые сонмища галчат.
По пелене твоей звучат
Крылатые¹³ виолончели.

И луковицы взаперти
Забудь тепличными цветами.
Вздыбься щербатыми крестами
На повороте расцвети.

И не чувствуем ли мы морозной руды по слегка оснеженной степи<, > когда ближайšie предметы расходятся по радиусам <цветка> и кочки пахоты чернеют<, > как зазимовавшие птицы. Кони летят<, > как инструменты в оркестре<, > в одном напряженном порыве. За поворотом вырастает засыпанный снегами крест, – стебель и цветы слишком костяной луковицы. Мы счастливы жить в то время, когда на ряду с беспочвенными подражателями славных заветов Гилеи растет и развивается творчество ее истинного адепта. И это не <преувеличение> – «Логово», «Тепло», «Вокзал» («Дохлая Луна»);<;> прочтите «Люди в пейзаже» («Пощечина

об<щественному> вк<усу>») <, > и вы увидите <, > что только глубокое вдохновение и прирожденные черты стиля могли создать подобные вещи.

Но поэт не остановился на том <, > и вот перед нами новый цикл¹⁴ с новым поэтическим импульсом. В них выявляется роль звукового состава для создания поэтического момента. Проследим этот состав по направлению движения идейной массы. Напр<имер>, в стих<отворении> «Некролог»:

.....
 На счастье в лилии ПЕРЕД
 АМ ЕРИ кою тишины
 Он зАМ ЕР И севером мЕРИт
 Отпущенниц райской весны...

Здесь <, > если можно так выразиться <, > «звуковая метафора». И она лишь двумя комбинациями аллитераций и внутренней рифмой дает нам полное чувство весенних вод <, > покоряющих страну с юга на север. Еще укажу на «Возврат» <, > где присутствие имени музы рождает ряды прекрасных аллитераций на «ва» «вы» и обратных на «ев» и «ав» «же» и т.д. «Пьянителю рая» <являют нам более раннюю вещь, > основанн<ую> на импрессионистических аллитерациях¹⁵.

Главное же достоинство поэта <, > я полагаю <, > в его понимании нераздельности форменных достижений от лирической готовности к творчеству, чем он современен более кого <-> либо. Не делая вещи по «новейшему» рецепту, а творя ее <, > он похищает у жизни ее аромат <, > по которому мы узнаем ее всегда и везде. Если Виктор Хлебников открыл нам страны новой эстетики, то Бенедикт Лившиц показал ее близость современной душе, а главное выявил ее кардинальность во всех вопросах новой поэзии¹⁶.

Примечания

1. См. свидетельство Е.К. Лившиц, второй жены поэта: «Отношения и со старшей четой Чуковских, и, позднее, с младшей были дружеские, близкие, и так продолжалось до выхода в свет "Стрельца", – Корней Иванович смертельно обиделся, и дружба прервалась навсегда» (ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 15. Л. 9).

2. См. точку зрения в частном письме: *Капелюш Б.Н.* Архивы М.В. Матюшина и Е.Г. Гуро // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 6–7. Ср. в мемуарах: «В нашей группе был один случайный "попутчик", не случайный дебютировавший в эстетском "Аполлоне"» (*Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. В 2 томах. Т. 1. М., 1997. С. 160).

3. *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. Т. 2. С. 22. Резкость Харджиева должна быть частично уравновешена его интервью с В. Дувакиным. Вопрос: «Но как поэта Вы его цените?» Ответ: «Все-таки талантливый поэт был... И человек образованный. Он был эстет такой, великолепно знал французскую литературу, символистов, кубистов, конечно, знал и замечательно переводил французов. Как никто, вероятно, все-таки, я думаю! <...> Конечно, талантливый... Сноб, эстет... Неумный человек совсем, но талантливый» (Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ (ОУИ НБ МГУ). Запись № 358). Однако не стоит забывать, что это приватное мнение в трудах исследователя не высказывалось.

4. ОУИ НБ МГУ. Запись № 12.

5. *Горнунг Б.В.* Черты русской поэзии 1910-х годов (К постановке вопроса о реакции против поэтического канона символистов) // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. Л., 1971. С. 266.

6. *Иванов Вяч. Вс.* У истоков русского футуризма <Рец. на книгу: Бенедикт Лившиц. «Полутораглазый стрелец». Л., 1989> // Новый мир. 1991. № 6. С. 262.

7. *Шершеневич В.* Литературные тени // Нижегородец. 1913. №272. 19 декабря. С. 2. Цит. по: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 163. См. также: *Лившиц Б.* «Полутораглазый стрелец». Стихотворения. Переводы. Воспоминания / Примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. Л., 1989. С. 674.

8. *Чуковский К.* Собр. соч. В 6 т. Т.6. М., 1969. С. 249.

9. Нельзя, по-видимому, исключать, что поэт наскоро и небрежно переписал текст для себя из известного ему источника (в таком случае можно также предполагать, что речь идет о ранее невыявленном газетном отзыве о стихах Лившица).

10. По-видимому, имеется ввиду былина «Вольга», записанная А.Ф. Гильфердингом от И.А. Касьянова (см.: Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. С. 795–799 (№156)); более доступное издание: Былины / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. СПб., 1999. С. 257–264 (заглавие в этой книге изменено на: "Вольга и Микула Селянинович").

Ассоциация с Вольгой возникла из-за того, что богатырю, согласно былине, "Похотелось Вольги много мудрости – / Шукой-рыбою ходить ему в глубоких морях, / Птицей-соколом летать ему под оболочка, / Серым волком рыскать да по чистым полям" (Былины. СПб., 1999. С. 257).

Интересно, что редкий, насколько мы можем судить, образ Вольги в русской поэзии возникает в стихотворении киевского приятеля Лившица – В. Маккавейского: «Усмехнется пята скулы, / Селянинович Микула / Надо

мною – над Вольгой!» («О великий превеликий...», 1916; см.: *Маккавейский В. Избранные сочинения*. Киев, 2000. С. 77 (стихи были опубликованы в кн. «Сти-лос Александрии»). Из окружения Лившица именно Маккавейский прекрасно знал французскую поэзию (ср. след. примеч.), мог назвать себя «поэтом» и отличался витиеватой эстетичностью стиля. Можно было бы аккуратно предположить, что именно он и является автором статьи, которую Лившиц, в таком случае, наскоро переписал для себя (Маккавейский обладал каллиграфическим почерком, а статья написана очень небрежно). Однако кажется, что упоминания одного имени, пусть и редкого, все же недостаточно для атрибуции.

11. Речь идет о словах Т. Готье из статьи «Шарль Бодлер», в которой описывается, что значит быть поэтом: «С этого дня он может считать себя вычеркнутым из числа людей: всякая деятельность для него прекращается; он более не живет, он только – наблюдатель жизни. Всякое ощущение влечет его к анализу. Непроизвольно он раздваивается и, за недостатком другого объекта, делается собственным шпионом. <...> А как жестока борьба с Идеей, этим неуловимым Протеем, принимающим всевозможные формы, чтобы ускользнуть, и выдающим свой тайну лишь тогда, когда его принудят силой показаться в своем истинном виде!» (перевод Эллиса; в сб.: *Бодлер Ш. Цветы зла*. М., 1908; цит. по: *Бодлер Ш.* и др. *Искусственный рай. Клуб любителей гашиша*. М., 1997. С. 301–302).

12. Стихотворение было опубликовано во втором «Садке Судей» (СПб., 1913).

13. Ошибка при цитировании. Правильно: «Упорные».

14. Речь идет о цикле «Пальма праведника» из сборника «Рыкающий Парнас» (1914), куда вошли стихотворения: «Возврат» («Едва навеянный Евтерпе...»), «Целитель» («Белый лекарь, незрелый трупик...»), «Некролог» («О тропике трепетный клоун...»).

15. Стихотворение было опубликовано в сб. «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913 [1912]).

16. РО ИРЛИ. Ф. 809. Ед. хр. 116. Л. 1–2.

III

КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА